

Семантика абсолютивной конструкции в русском языке и антипассив

NAM HYE HYUN*

Yonsei University, Yonsei-ro 50, Seodaemun-gu, Seoul, 120-749 Republic of Korea

Received: 2 March 2020 • Accepted: 16 May 2020

Published online: 21 July 2021

© 2021 Akadémiai Kiadó, Budapest

АННОТАЦИЯ

Данная работа рассматривает абсолютивную конструкцию переходных глаголов в русском языке в соотношении с антипассивом. Переходные глаголы определяются как глаголы, имеющие возможность сочетаться с прямым объектом, т. е. обладают пациентной валентностью. Однако по разным причинам они могут не реализовывать пациентную валентность.

Поскольку безобъектное употребление глагола – это результат синтаксической невыразимости пациентного аргумента, логично подходить к нему как к результату сокращения валентностных потенций. С этой точки зрения можно предположить, что безобъектная конструкция переходных глаголов имеет определенные диатетические характеристики. Мы постулируем, что невербализация пациентной валентности сигнализирует о переносе пациентного аргумента на семантическую, коммуникативную периферию, и, следовательно, о его синтаксическом понижении.

Выделяются три типа невербализации пациентного аргумента: контекстный эллипсис, семантическая инкорпорация объекта в значение глагола и генерализованная презентация ситуации. Нас интересует прежде всего третий тип, и именно относительно этого типа традиционно применяется термин «абсолютивная конструкция». В отличие от первого и второго типов, в которых невыраженный объект восстанавливается через контекст или семантику глагола, в абсолютивной конструкции объект действия не может быть специфицирован, или это делается с трудом. Поэтому абсолютивная конструкция не является неполной конструкцией.

Абсолютивное употребление переходных глаголов – это результат сокращения валентности коммуникативно нерелевантного объекта, что порождает определенные семантические сдвиги; глагол

* Corresponding author. E-mail: zean01@yonsei.ac.kr

обозначает не акциональное действие, направленное на какой-то объект, а нечто более стативное, постоянное свойство субъекта, что переносит глагол в иные семантические классы и обуславливает его употребление в определенных контекстах.

Абсолютивная конструкция и антипассив имеют общее функциональное сходство, а именно низкую дискурсивную выделенность объекта действия и генерализованную репрезентацию ситуации как постоянного свойства субъекта. В русском языке типичным показателем антипассива является возвратная частица *-ся*. Поэтому в случаях несущественности, очевидности, неопределенности объекта действия абсолютивная конструкция и антипассивный возвратный глагол могут функционировать синонимично. Ср.: *Горчичник сильно жжет Ø / сильно жжется*. Следовательно, в данной статье абсолютивная конструкция сравнивается с антипассивными рефлексивными глаголами типа *Собака кусается*. В русском языке семантический круг антипассивных рефлексивных глаголов относительно узок, и это объясняется тем, что их функцию вполне могут заменить невозвратные глаголы в абсолютивном употреблении.

Кроме того, остальные типы опущения пациентной валентности также имеют соотношение с возвратными глаголами других разрядов, но детальное обсуждение этого вопроса станет темой наших дальнейших исследований.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

безобъектная конструкция переходных глаголов, антипассив, пациентный аргумент, абсолютивная конструкция, возвратные глаголы, сокращение валентности, синтаксическое понижение, диатетический сдвиг

1. ВВОДНОЕ СЛОВО

Переходные глаголы определяются как глаголы, имеющие возможность сочетаться с прямым объектом, т. е. обладают пациентной валентностью. Однако по разным причинам они могут не реализовывать пациентную валентность. По данным А. Б. Летучего, безобъектное употребление переходных глаголов в русском языке занимает примерно 8% от всех их употреблений (Летучий 2010: 290).

Семантике безобъектного употребления глаголов было посвящено несколько исследований, большинство которых констатирует, что, употребляясь безобъектно, глагол претерпевает определенные семантические изменения (Чурилова 1974, Боброва 1979, Сай 2007, Летучий 2010, Сигал 2018). Ученые указывают, что в отвлечении от конкретного объекта глагол лишается направленности действия на объект и теряет актуальность. В нижеприведенных примерах глаголы, используясь безобъектно, реализуют значение ‘заниматься чем-л. постоянно, профессионально’, которое ближе к стативному непереходному значению:

- (1) В университете *читали* профессора с европейским именем.
- (2) Дима взял вторую работу – *преподавать* в техникуме на вечернем.
- (3) Одоевский *пишет* давно, но в последнее время его художническая деятельность обнаружилась в большей силе (Боброва 1979: 73).

Поскольку безобъектное употребление глагола – это результат синтаксической невыразимости пациентного аргумента, логично подходить к нему как к результату деривации путем сокращения валентностных потенциалов (*valency-reducing derivation*). С этой точки зрения можно предположить, что безобъектная конструкция имеет определенные диатетические характеристики. Мы постулируем то, что невербализация пациентной валентности сигнализирует о переносе пациентного аргумента на семантическую, коммуникативную периферию, и, следовательно, о его синтаксическом понижении.¹ Здесь мы будем рассматривать абсолютивную конструкцию как один из типов невербализации пациентной валентности и исследовать ее диатетические характеристики в связи с антипассивом, который также имеет аналогичную функцию.

Итак, во второй части нашей работы мы предлагаем рассмотреть типы невербализации пациентной валентности и конкретизируем предмет нашего анализа, очерчивая круг явлений, имеющих отношение к абсолютивной конструкции. Далее мы выявляем наиболее важные семантические акцентуации абсолютивной конструкции. На основе этого в третьей части рассматриваем диатетические характеристики абсолютивной конструкции в сопоставлении с возвратными глаголами, которые считаются типичным показателем антипассива в русском языке. Четвертая часть подводит итоги всему сказанному.²

2. НЕВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПАЦИЕНТНОЙ ВАЛЕНТНОСТИ И АБСОЛЮТИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ

2.1. Типы невербализации пациентной валентности

Участнику ситуации с определенной семантической ролью в предложении соответствует выражающий его синтаксический актанта. Однако далеко не все участники ситуации получают эксплицитное синтаксическое выражение. Основываясь на исследовании Е. В. Падучевой о невербализации участников ситуации (Падучева 2004: 427–428), С. С. Сай выделяет три типа причин опущения объекта переходных глаголов: 1) генерализованное прочтение, 2) семантическая инкорпорация в лексическое значение эксплицитно выраженных компонентов высказывания³ и 3) опущение с опорой на контекст (Сай 2007: 77).

¹ Безусловно, не мы первые обращаем внимание на этот факт. Н. А. Янко-Триницкая отмечала определенный параллелизм между типами потери переходности в конструкциях с непереходными употреблениями словарно переходных глаголов и в конструкциях с возвратными глаголами, образованными от переходных глаголов (Янко-Триницкая 1962: 72–76, 172–174).

² Материалом для исследования послужили предложения, которые были отобраны методом сплошной выборки из современных российских художественных и газетно-публицистических текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка (www.ruscorpora.ru). При цитировании примеров из предыдущих работ указывается источник.

³ Например, в ситуации, описываемой глаголом *видеть*, обязательно присутствует компонент *глаза*. Однако по-русски не говорят: *Он увидел ее глазами, поскольку участник *глаза* инкорпорирован в значение глагола *видеть* (Падучева 2004). У Ю. Д. Апресяна невербализация участника ситуации в силу его инкорпорирования в семантику глагола является одной из производных диатез «синтаксическая невыразимость актанта» (Апресян 2006).

- (4) Я в комнате моей *пишу, читаю* без лампы.
- (5) Вовка тихо посапывал. Рубахин *курил*, делая медленные затяжки.
- (6) Ну что, *прочитал*?

В примере (4) ситуация представляется обобщенной, объект действия получает генерализованное прочтение и поэтому не может быть конкретно назван. В примере (5) в семантику глагола инкорпорировано значение объекта «табак», которое не выражается эксплицитно в предложении. Такой тип невербализации пациентного аргумента бывает тогда, когда глагол имеет узкую сочетаемость с достаточно определенным кругом существительных. В примере (6) происходит опущение прямого объекта с опорой на контекст. Объект действия настолько очевиден, что говорящий не чувствует необходимости конкретно называть его.

В то же время А. Б. Летучий предлагает следующую классификацию опущений прямого объекта, фактически основываясь на его референциальном свойстве:

(А) Синтаксический эллипсис: опущение объекта, выраженного в том же предложении, обязательно или допустимо по структурным соображениям, ср.: Они увидели его на улице и *убили*.

(Б) Опущение.

(Б1) Опущение нереферентного актанта. Это бывает чаще всего в контексте модального глагола и неактуальной ситуации, ср.: *Убивать* – грех; Он *убивал* уже не раз; Эти парнишки *умеют убивать*.

(Б2) Опущение референтного предупомянутого актанта, ср.: Вася был учителем в школе. Школьники часто *утомляли* [его], но вообще работа ему нравилась.

(Б3) Опущение объекта-участника коммуникации, ср.: Как же *бесят* [меня] эти студенты! (Летучий 2010: 290–291).

Эти две классификации пересекаются. Типы А, Б2 и Б3 относятся к опущению с опорой на контекст, так как в этих случаях объект действия может быть восстановлен с помощью контекста. Однако тип Б1 относится к генерализованному прочтению. Во всех этих случаях объект действия характеризуется коммуникативной несущественностью в силу его очевидности или неопределенности.

В целом мы выделяем три типа невербализации пациентного аргумента: 1) контекстный эллипсис, 2) семантическая инкорпорация объекта в значение глагола и 3) генерализованное прочтение. Нас интересует прежде всего третий тип, относительно которого традиционно применяют термин «абсолютивная конструкция». В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой *абсолютивный* определяется как «самодовлеющий, не требующий распространения и уточнения другими словами» (Ахманова 1966: 219). В отличие от первого и второго типов, в которых невыраженный объект восстанавливается через контекст или семантику глагола, в абсолютивной конструкции объект действия не может быть специфицирован, или это делается с трудом. Поэтому абсолютивная конструкция не является неполной конструкцией.

2.2. Семантика абсолютивной конструкции

Исходя из вышеназванных типов невербализации пациентного аргумента, мы можем сказать, что пациентная позиция при глаголе не замещается по причине его информативной несущественности. А информативная несущественность объекта действия обычно связана со стремлением говорящего подчеркнуть процесс протекания действия или род занятий субъекта, а не указывать на продукт его деятельности.

- (7) По-русски! Грузины, и правда, – *прекрасно поют!*
(8) Дело в том, что Шенявская так *монотонно читает*, что невозможно не заснуть!

В отвлечении от конкретного объекта глагол лишается направленности действия на объект, теряет актуальность и действие представляется как некое свойство субъекта. Обращенность переходных глаголов к субъекту выдвигает на первый план их качественно-описательную семантику. Косвенным подтверждением этого служит тот факт, что в абсолютивной конструкции нередко особую роль играют обстоятельства, характеризующие действие со стороны количества, качества, времени, интенсивности, так как внимание говорящего сосредоточивается на характере протекания действия, на самом процессе, а не на его конкретной цели (РГ-1980: 615).

- (9) А *шили-то тогда на дому прямо*: приходил портняжка с машинкой, кроил, *тут же и шил*. [...] Потом садился работать и *шил до поздней ночи, согнувшись в три погребели над худым, грязным сапогом*.
(10) *Прясть и ткать* умела каждая крестьянка с *детских лет*.
(11) Мужчины на Севере тоже *иногда пряли*, но пряжа эта была совсем другого сорта.
(12) Знаю, что он был военным инженером [...] и *строил* не только *быстро и пышно*, но еще – и это главное – *крепко* (Архипова 2015: 162).

Неназывание объекта действия, т. е. деконкретизация объекта может вызывать и деконкретизацию самой ситуации. Поэтому абсолютивная конструкция типично выступает в контексте абстрагирования действия от конкретного события. Абстрагируя действие от конкретного события, предложения данной конструкции функционируют как общепризнательные, не привязанные к какому-л. конкретному событию. В связи с этим Д. П. Шевляков указывает на семантическую группу глаголов, часто включающихся в абсолютивные конструкции. По его имени, абсолютивации легко подвергаются глаголы, обозначающие повседневные привычные действия, без которых человек не может обойтись (*есть, пить, курить, петь, говорить, любить, читать* и т. д.). Действия, обозначаемые такими глаголами, считаются настолько банальными, что указывать на их конкретный объект необязательно. Также часты в абсолютивной конструкции глаголы со значением состояния, так как состояние непременно предполагает субъект – носителя состояния, но не всегда – объект (Шевляков 2010: 83).

- (13) Он долго *ждал*, он *терпел* и, наконец, его *прорвало*.

Абстрагируя действие от конкретного события, глаголы в абсолютивной конструкции выражают не единичные акциональные действия, а совокупность действий, способность к выполнению действия или постоянное свойство субъекта. Такое новое номинативное назначение в абсолютивном употреблении переносит глаголы в иную семантическую группу. Фундаментальная классификация предикатов Ю. Д. Апресяна выделяет несколько классов предикатов, таких как *действие*, *воздействие*, *деятельность*, *занятие*, *свойство*, *состояние* и т. д. (АПРЕСЯН 2003а).⁴ Эти классы пересекаются, поскольку одна и та же лексема может входить более чем в один класс в зависимости от контекста. В частности, глагол, изначально выражающий прототипическое действие, попадая в абсолютивную конструкцию, регулярно переходит в класс деятельности, занятия, способности (АПРЕСЯН 2003б).

- (14) Раньше он занимался литературным переводом, а в последнее время *пишет* сам.
 (15) Ребенок *читает*, не мешайте ему.
 (16) Он немного *поет*, *рисует*. Кошки *видят* в темноте.

В примере (14) не сказано, что именно он пишет, указан только род новой для него литературной деятельности – авторское сочинение. Обозначая совокупность действий как новый род деятельности, глагол *пишет* относится к классу деятельности. В примере (15) глагол *читает* в отвлечении от объекта обозначает действие, целью которого является само это действие (говорящему не важно, что читает ребенок, а важно лишь то, чтобы он занимался чтением), и, соответственно, он относится к классу занятия. А в примере (16) глаголы *поет*, *рисует*, *видят* выражают не конкретные действия, а умения, навыки, способность к выполнению таких действий. Тем самым они относятся к классу способности.

При этом каждый класс предикатов имеет определенные грамматические характеристики, в частности, полные или дефектные видовые значения НСВ. Помимо глаголов класса действия, глаголы других классов зачастую не могут реализовывать актуально-длительное значение НСВ. Например, в примере (14) глагол *пишет*, относясь к классу *деятельность*, реализует дуративное значение НСВ. А в примере (16) глаголы *поет*, *рисует*, *видят* выражают способность к выполнению действия и реализуют потенциальное значение НСВ. Если эти глаголы называют конкретные действия, протекающие во время речи, то возможна реализация актуально-длительного значения НСВ. Ср.: Вот у меня в руке карандаш. Я *вижу* эту линию. Мне нужно просто в точности так же нарисовать.

С другой стороны, подобные семантические акцентуации абсолютивной конструкции обуславливают ее частотное употребление в определенном коммуникативном регистре,

⁴ Коротко рассмотрим основные понятия названных классов. *Действием* называется глагол, имеющий семантический примитив *делать*, причем время существования ситуации, называемой этим глаголом, укладывается в один раунд наблюдения. Глаголы этого класса называются акциональными. *Деятельность* – это глагол, обозначающий совокупность разнородных и разновременных действий, причем время существования ситуации растягивается на несколько или много раундов наблюдения. *Занятие* – это глагол, обозначающий действие, непосредственной целью которого является само это действие, ср.: Он *гуляет*, *играет*, *читает*, *занимается* французским. Следующий класс *свойство* характеризует предмет на протяжении всего времени его существования, поэтому этот класс вневременной. В этом признаке *свойство* отличается от *состояния*, которое характеризует предметы в течение определенного времени.

а именно в информативном (ШЕВЛЯКОВ 2010: 80–81).⁵ Информативный регистр сообщает об известных говорящему явлениях действительности в отвлечении от их конкретно-временной длительности и от пространственной отнесенности к субъекту речи (ЗОЛотова и др. 1998: 394). Используя данный регистр, автор обычно выражает свои знания о повторяющихся, типичных явлениях, при этом главным образом воспроизводятся факты, имевшие место в прошлом. Такому назначению информативного регистра соответствует генерализованная репрезентация ситуации, характерная для абсолютивной конструкции (см. вышеприведенные примеры).

- (17) Евгений Александрович – художник-самородок. Он потрясающе *лепил*, делал фигуры из глины, из бронзы, *рисовал*.

Вышесказанное о семантических акцентуациях абсолютивной конструкции в русском языке подтверждают и наблюдения над материалом английского языка. А. Голдберг, анализируя конструкцию типа *She contributed Ø to the Leukemia Foundation*, подчеркивает, что данная конструкция репрезентирует ситуацию, в которой объект оказывается депрофилированным, поэтому она называет данную конструкцию *Deprofiled Object Construction*. В рамках конструктивной грамматики А. Голдберг пытается объяснить опущение пациентного аргумента посредством семантики самой конструкции, которая, по ее мнению, заключается в низкой дискурсивной выделенности объекта и в фокусе на самом действии (GOLDBERG 2001: 522).

М. Лемменс соглашается с ней в том, что низкая дискурсивная выделенность объекта и фокус на самом действии являются центральной семантикой абсолютивной конструкции, которую он называет безобъектным транзитивом (*objectless transitive*), при этом М. Лемменс исходит из положения, что в английском языке имеется две разные каузативные модели: транзитивная модель и эргативная модель. Эти модели по-разному кодируют каузативный процесс. Транзитивная модель кодирует событие, где субъект является центральным участником, чье действие направляется на пациенс. Поэтому транзитивный глагол может употребляться без прямого объекта (*kill, pull, make* и др.). В то же время эргативный глагол кодирует событие, где пациенс или медиум (*medium*) является главным участником ситуации, способным самостоятельно провоцировать событие (*self-instigating*) (*break, open, burst* и др.).⁶ Следовательно, эргативный глагол не может санкционировать опущение объекта действия, поскольку опущение объекта действия характерно для контекста с низкой дискурсивной выделенностью объекта, а это как раз противоречит центральной семантике эргативной модели:

⁵ Г. А. Золотова предложила текстовую категорию коммуникативных регистров, которая определяется типом репрезентируемой в тексте информации, грамматически и функционально. В данной работе были предложены следующие коммуникативные регистры: репродуктивный, информативный, генеративный, волюнтивный и реактивный (ЗОЛотова и др. 1998).

⁶ М. Лемменс применяет разные наименования участников ситуации в отношении к транзитивной и эргативной моделям. Для первой модели используются термины *Agent, Patient*, а для второй – *Instigator, Medium*.

- (18a) John *broke the glass*.
- (18b) The glass *broke*.
- (18c) *John *broke* Ø.
- (19a) He *burst the balloon*.
- (19b) The balloon *burst*.
- (19c) *He *burst* Ø.

Такая дифференциация в возможностях опущения прямого объекта действия в зависимости от транзитивной и эргативной моделей еще раз подтверждает гипотезу о низкой дискурсивной выделенности объекта и о фокусе на самом действии как центральной семантики безобъектного транзитива. В частности, М. Лемменс обращает внимание на тот факт, что опущению прямого объекта способствует перечисление действий в одном ряду (LEMMENS 2006: 5).

- (20) Scott *hammers and saws* like a pro.
- (21) The freedom-fighting contra rebels *kidnap, rape, torture, and murder*.

Перечисление действий в одном ряду способствует невербализации пациентного аргумента и в русском языке. На это обращали внимание несколько ученых. Например, Г. Н. Акимова пишет о том, что очень часто абсолютивации глагола способствует включение переходного глагола в однородный ряд предикатов (АКИМОВА 1990: 25). Б. Ю. Норман назвал помещение глагола в сочинительный ряд в качестве дискурсивного условия, облегчающего «безактантное» (абсолютивное) употребление глагола (НОРМАН 2016: 201, цит. по: СИГАЛ 2018: 158).

- (22) Там у нас и кино, и бильярд, и игры всякие, – сказала она, ласково ко мне наклонившись. – Кружок «Умелые руки» есть. Будете там *лепить, вырезать, клеить*.
- (23) Мачеха, всхлипывая, садится к зеркалу, а Золушка подает ей диковинные перья. – Я работаю, как лошадь. Бегаю, хлопочу, *требую, добываю* и добываюсь, *очаровываю* (СИГАЛ 2018: 159).
- (24) При этом она свободно *читает, пишет, немного считает*, в шашки играет, много *рисует, лепит, клеит* что-то, сама себе *строит-придумывает* и в целом очень развита.

Почему сочинительный ряд служит контекстом для абсолютивации глагола? По-видимому, это потому, что когда говорящий называет подряд несколько действий глаголами НСВ, он скорее описывает типичную рутину, и, что естественно при этом, объект действия теряет коммуникативную значимость. Кроме этого, интересно то, что в примере (23) словарно переходные глаголы *требую, добываю, очаровываю* стоят наряду с непереходными глаголами *бегаю, хлопочу, добываюсь*. Компоненты, соединенные в сочинительном ряду, нередко нейтрализуют собственные дифференциальные свойства и подчеркивают некое общее. В нашем случае это синтагматическое сходство – отсутствие прямого объекта. В частности, бессоюзное соединение переходных и непереходных глаголов в примере (23) сливает их в единый синтагматический ряд и описывает повседневную рутину жизни Золушки. А в случае, когда перечисляются глаголы в безобъектном употреблении, назы-

вающие действия разных лиц, и если это связано с генерализованной интерпретацией, часто становится возможным выявление ролевых стереотипов разных лиц и их контрастирование.⁷ Ср.: Он *разбрасывает* – ты *убираешь*.

Суммируя сказанное, можно сделать вывод, что абсолютное употребление переходных глаголов – это результат сокращения валентности коммуникативно нерелевантного объекта, что порождает определенные семантические сдвиги; глагол обозначает не акциональное действие, направленное на какой-то объект, а нечто более стативное, постоянное свойство субъекта, что переносит его в иные семантические классы и обуславливает употребление абсолютивной конструкции в определенных контекстах.

3. АБСОЛЮТИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ И АНТИПАССИВ

Если считать абсолютивную конструкцию результатом сокращения объектной валентности, то следует подходить к ней как к результату деривации путем сокращения валентных потенциалов.

В данной работе мы основываемся на теории Р. Диксона и А. Айкенвальда, которые предлагают несколько типов синтаксической деривации. По их мнению, все языки различают непереходные и переходные конструкции. У непереходной конструкции есть одноядерный аргумент – S (субъект непереходной конструкции), а у переходной конструкции есть два ядерных аргумента – А (субъект переходной конструкции) и О (объект переходной конструкции). Эти S, А, О составляют ядро конструкции (*core*). Р. Диксон и А. Айкенвальд выделяют четыре типа синтаксических дериваций, оперирующих этими ядерными аргументами: 1) *Argument transferring*, 2) *Argument focussing*, 3) *Argument manipulating*, 4) *Marking the referential status of arguments*. Среди них именно передвижение аргумента (*Argument transferring*) касается изменения валентности.

Итак, если аргумент в функции А удален из ядра, помещен на периферию и остается только О, то глагол становится непереходным, имеющим одноядерный аргумент, и исходный О становится S. В результате этого получается пассив. А если аргумент в функции О удален из ядра, помещен на периферию, глагол становится интранзитивным, имеющим одноядерный аргумент. И этот исходный А теперь находится в функции S. В результате такой синтаксической деривации возникает антипассив (DIXON–AIKENVALD 2011: 44–45).⁸

Нас интересует именно антипассив как результат сокращения пациентной валентности. Р. Диксон и А. Айкенвальд предлагают более детальные условия к деривации антипассива:

(а) антипассивная деривация применяется к исходной переходной конструкции и формирует деривационную непереходную конструкцию;

⁷ Аналогичный факт подтверждается и в английском языке. По свидетельству М. Лемменса, безобъектный транзитив часто употребляется при сопоставлении действий более двух лиц как [X VERB₁ conj Y VERB₂] (LEMMENS 2006: 6–7). Ср.: *Martha cooked and cleaned while Mary entertained; Billy Jo washed and Bobby Jo dried.*

⁸ Передвижение аргумента включает в себя не только удаление аргумента из ядра, но и добавление аргумента в ядро. В результате последнего формируются аппликатив и каузатив (DIXON–AIKENVALD 2011: 44–45).

(б) в антипассивной деривации исходный А становится S;

(в) исходный О входит в периферийную функцию, получив выражение в косвенном падеже, или он может быть опущен, хотя всегда есть возможность его восстановить;

(г) есть некоторая явная формальная маркировка антипассивной конструкции (DIXON–AICHENVALD 2011: 47).

Каждая деривационная конструкция имеет особый семантический эффект. Антипассив понижает объект действия и фокусирует внимание на субъекте, т. е. в антипассиве субъект совершает действие, вовлекающее пациенса, при этом не обращая внимания на его идентичность (DIXON–AICHENVALD 2011: 48). Такой семантический эффект дублирует семантику абсолютивной конструкции, суть которой заключается в перенесении объекта в семантический, коммуникативный и синтаксический маргинал.

В русском языке типичным показателем антипассива считается рефлексивный постфикс *-ся*. Если сопоставить нижеприведенные примеры, то в примерах (а) объект действия выражается в винительном падеже, а в примерах (б) с глаголами *-ся* объект действия переносится на синтаксическую периферию, выражаясь в форме предложной группы, косвенного падежа, или он может быть вообще устранин:

- (25a) Собака кусает ребенка.
- (25b) Собака кусается.
- (26a) Мать ругает детей.
- (26b) Мать ругается на детей.
- (27a) Мальчик швыряет камни.
- (27b) Мальчик швыряется камнями.

Переноса объект действия на маргинал, возвратные глаголы этого типа представляют действие как замкнутое в самом субъекте. Поэтому их называют безобъектно-возвратными глаголами. Еще их трактуют как потенциально-активные, так как предложение типа *Крапива жжется* подчеркивает тот факт, что крапива может причинить боль каждому, кто с ней соприкоснется, при этом действие, обозначаемое такими глаголами, может указывать на постоянное свойство субъекта. Поэтому их еще именуют глаголами с качественно-возвратным значением.

- (28) Индийский носорог редко бодается.
- (29) Наша кошка, когда мы вывозим ее на дачу, орет, словно оглашенная, царапается, плюется.
- (30) Уж жжется солнышко.
- (31) Мать штопала тулупчик, но он все рвался и рвался.

В. В. Виноградов сформулировал значение возвратных глаголов этой группы следующим образом: они обозначают действие субъекта, фактически переходящее на какой-л. предмет, направленное на других, но мыслимое в отвлечении от объекта как характеристическая, отличительная черта самого субъекта (ВИНОГРАДОВ 1947: 635). Таким образом, возвратным глаголам этой группы характерно отвлечение от объекта действия и представление действия как свойства субъекта, что очень близко к семантике антипассива. По-

этому Ю. П. Князев называет эти глаголы еще и антипассивными (КНЯЗЕВ 2007: 280–281). Вслед за ним мы тоже считаем эти глаголы антипассивными возвратными глаголами.⁹

Если подобные возвратные глаголы обладают антипассивной характеристикой, то они должны соотноситься и с абсолютивной конструкцией, также имеющей семантические свойства антипассива. Исходя из этого, можно предположить, что абсолютивная конструкция и антипассивный возвратный глагол могут функционировать синонимично. Ср.: Горчичник *сильно жжет* Ø / *сильно жжется*. Э. Ш. Генюшене и В. П. Недялков пишут, что присоединение постфикса *-ся* к глаголам может выполнять функцию, аналогичную опущению прямого объекта двухактантного глагола в силу его несущественности, очевидности, неопределенности (ГЕНЮШЕНЕ–НЕДЯЛКОВ 1991: 259).

- (32a) Что ты *толкаешься*?
- (32b) Что ты *толкаешь* Ø (= меня / всех людей)?
- (33a) Собака *кусается*.
- (33b) Собака *кусает* Ø (= всех людей).
- (34a) Эта стена только что окрашена и потому *начкается*.
- (34b) Эта стена только что окрашена и потому *начкает* Ø (= все, всех).

Во всех примерах (a), (b) предполагается объект действия очевидный или неопределенный, поэтому он конкретно не называется. Оказывается, что абсолютивная конструкция и антипассивные возвратные глаголы представляют ситуацию в отвлечении от конкретного объекта и репрезентируют ее как характеристику субъекта. Однако не все глаголы в абсолютивной конструкции формируют реальный синонимический ряд с возвратными глаголами.

- (35a) Ребенок *читает*, не мешайте ему.
- (35b) Ребенок **читается*, не мешайте ему.
- (36a) Он немного *поет, рисует*.
- (36b) Он немного **поется, *рисуется*.

Действительно, в русском языке семантический круг антипассивных рефлексивных глаголов относительно узок, он ограничен глаголами, обозначающими такие действия или свойства, которые могут причинить ущерб (КНЯЗЕВ 2007: 280). Мы считаем, что число антипассивных возвратных глаголов относительно мало, потому что их функцию вполне могут заменить невозвратные глаголы в абсолютивном употреблении.

Необходимо отметить, что не только абсолютивная конструкция, но и другие типы опущения прямого объекта, рассмотренные выше, тоже имеют соотношение с возвратными глаголами, так как все типы опущения прямого объекта сигнализируют о сокращении валентностных потенциалов.

- (37a) Ну что, попробуйте сейчас *запустить* (программу).
- (37b) Ну что, попробуйте сейчас *запуститься*.

⁹ Ю. П. Князев определял глаголы этой группы еще и как абсолютивные, подчеркивая их функциональную общность с абсолютивным употреблением глагола (КНЯЗЕВ 2007: 280–281).

- (38a) Вы там сами *завернете* (покупки)?
 (38b) Вы там сами *завернетесь*?
 (39a) Мы уже *подали* (тезисы на конференцию) в Тарту.
 (39b) Мы уже *подались* в Тарту.
 (40a) Вы что, *обменять* (валюту)?
 (40b) Вы что, *обменяться*? (САЙ 2007)

В примерах (а) происходит опущение объекта действия с опорой на контекст. А в примерах (b) аналогичный смысл выражается через возвратный глагол. При этом между объектом действия и субъектом устанавливаются посессивные отношения в широком смысле. Ср.: *завернуть свои покупки*; *подать свои тезисы*; *обменять свою валюту*. В этом смысле эти глаголы можно отнести к группе рефлексивно-посессивных глаголов, которые обозначают действие, направленное на неотчуждаемый или отчуждаемый объект обладания посессора – субъекта: части тела, одежда, жилье, имущество и т. д. (КНЯЗЕВ 2007: 273–275).

- (41) Она хитро и мудро *прищурилась*. (= прищурила глаза)
 (42) Как правило, любой человек, если он занимается наукой, должен *публиковаться*. (= публиковать свои научные работы)
 (43) Зачем *тратиться* на такси, если есть бесплатная машина? (= тратить свои деньги)

Посессивные отношения между субъектом и реальным объектом действия настолько тесны, что объект метонимически отождествляется с субъектом. Поэтому семантика возвратных глаголов этой группы определяется тем, что действие совершается в самом субъекте или в его интересах. В этом есть сходство с антипассивными возвратными глаголами, рассмотренными выше: обе эти группы возвратных глаголов обозначают действие, вовлекающее объект, но представляют его в отвлечении от конкретного объекта. А различие между ними состоит в референциальном свойстве объекта. В случае с антипассивными рефлексивными глаголами объект имеет обобщенный характер, а в случае с рефлексивно-посессивными глаголами объект находится в достаточно тесных посессивных отношениях с субъектом-посессором, поэтому он имеет более и менее определенный характер. Он либо устанавливается из конкретной речевой ситуации, либо определяется значением глагола.

Таким образом, эти возвратные глаголы соответствуют разным типам опущения прямого объекта. Если антипассивный рефлексивный глагол соответствует абсолютивной конструкции, т. е. опущению объекта из-за его неопределенности, обобщенности, то рефлексивно-посессивный глагол соответствует опущению объекта с опорой на контекст или в силу семантической инкорпорации объекта в значение глагола.

4. ВЫВОДЫ

В данной работе мы относимся к безобъектной конструкции переходных глаголов как к результату деривации путем сокращения валентностных потенциалов. Поэтому полагаем, что безобъектная конструкция имеет определенные диатетические характеристики. Мы выделяем три типа невербализации пациентного аргумента: контекстный эллипсис, се-

мантическую инкорпорацию объекта в значение глагола и генерализованное прочтение референта пациентного аргумента. Данная работа посвящается именно третьему типу опущения прямого объекта – абсолютивной конструкции. Семантика абсолютивной конструкции заключается в низкой дискурсивной выделенности объекта действия и генерализованной репрезентации ситуации как постоянного свойства субъекта, тем самым мы подчеркиваем, что абсолютивная конструкция имеет функциональное сходство с антипассивом. В данной статье абсолютивная конструкция сравнивается с антипассивными рефлексивными глаголами. Кроме того, мы считаем, что остальные типы опущения пациентной валентности также имеют соотношение с возвратными глаголами других разрядов, но детальное обсуждение этого вопроса станет темой наших дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- АКИМОВА 1990 = АКИМОВА Г. А. *Новое в синтаксисе современного русского языка*. Москва, 1990.
- АПРЕСЯН 2003а = АПРЕСЯН Ю. Д. Фундаментальная классификация предикатов и системная лексикография. В кн.: *Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. Материалы международных научных конференций*. Санкт-Петербург, 2003. 7–21.
- АПРЕСЯН 2003б = АПРЕСЯН Ю. Д. Лингвистическая терминология словаря. В кн.: *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Москва, 2003. 22–52.
- АПРЕСЯН 2006 = АПРЕСЯН Ю. Д. Типы соответствия семантических и синтаксических актантов. В кн.: *Проблемы типологии и общей лингвистики*. Санкт-Петербург, 2006. 15–27.
- АРХИПОВА 2015 = АРХИПОВА Л. В. Об относительной самодостаточности полисемантического глагола. *Новый взгляд. Международный научный вестник*. Вып. 7. Новосибирск, 2015. 157–166.
- АХМАНОВА 1966 = АХМАНОВА О. С. *Словарь лингвистических терминов*. Москва, 1966.
- БОБРОВА 1979 = БОБРОВА Г. А. Некоторые случаи безобъектного употребления переходных глаголов. В кн.: *Вопросы структуры и функционирования русского языка*. Томск, 1979. 71–79.
- ВИНОГРАДОВ 1947 = ВИНОГРАДОВ В. В. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Москва, 1947.
- ГЕНЮШЕНЕ–НЕДЯЛКОВ 1991 = ГЕНЮШЕНЕ Э. Ш., НЕДЯЛКОВ В. П. Типология рефлексивных конструкций. В кн.: БОНДАРКО А. В. (ред.) *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*. Санкт-Петербург, 1991. 241–276.
- ЗОЛотова и др. 1998 = ЗОЛотова Г. А., ОНИПЕНКО Н. К., СИДОРОВА М. Ю. *Коммуникативная грамматика русского языка*. Москва, 1998.
- КНЯЗЕВ 2007 = КНЯЗЕВ Ю. П. *Грамматическая семантика в типологической перспективе*. Москва, 2007.
- ЛЕТУЧИЙ 2010 = ЛЕТУЧИЙ А. Б. Опущение прямого объекта и близкие процессы в арабском языке в сопоставлении с русским (на материале лингвистических корпусов). В кн.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*. Москва, 2010. 289–297.
- НОРМАН 2016 = НОРМАН Б. Ю. *Жизнь словоформы*. Москва, 2016.
- ПАДУЧЕВА 2004 = ПАДУЧЕВА Е. В. Диатеза как метонимический сдвиг. В кн.: ХРАКОВСКИЙ В. С., МАЛЬЧУКОВ А. Л., ДМИТРЕНКО С. Ю. (ред.) *40 лет Санкт-Петербургской типологической школе*. Москва, 2004. 424–444.
- РГ-1980 = ШВЕДОВА Н. Ю. (ред.) *Русская грамматика*. Т. 1. Москва, 1980.

- САЙ 2007 = САЙ С. С. Прагматически обусловленные возвратные конструкции «опущенного объекта» в русском языке. *Вопросы языкознания* 2007/2: 75–91.
- СИГАЛ 2018 = СИГАЛ К. Я. Сочинительный ряд как синтаксический контекст абсолютного употребления переходного глагола. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. № 2. Тамбов, 2018. 157–160.
- ЧУРИЛОВА 1974 = ЧУРИЛОВА Н. Н. Из наблюдений над конструкциями с отсутствующим прямым дополнением. В кн.: ЗОЛотова Г. А. (ред.) *Синтаксис и норма*. Москва, 1974. 196–203.
- ШЕВЛЯКОВ 2010 = ШЕВЛЯКОВ Д. П. К вопросу о безобъектном употреблении переходных глаголов. В кн.: БЕРЕСТОВА О. Г. (ред.) *Смысловое пространство текста*. Вып. 9. *Лингвистические исследования*. Петропавловск-Камчатский, 2010. 74–86.
- ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ 1962 = ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ Н. А. *Возвратные глаголы в современном русском языке*. Москва, 1962.
- DIXON–AIKHENVALD 2011 = DIXON R. M. W., AIKHENVALD A. Y. A typology of argument-determined constructions. In: DIXON R. M. W., AIKHENVALD A. Y. *Language at Large. Essays on Syntax and Semantics*. Leiden–Boston, 2011. 44–85.
- GOLDBERG 2001 = GOLDBERG A. E. Patient arguments of causative verbs can be omitted. The role of information structure in argument distribution. *Language Sciences* 23 (2001): 503–524.
- LEMMENS 2006 = LEMMENS M. More on objectless transitives and ergativization patterns in English. *Constructions* 2006/6: 1–37.

NAM HYE HYUN

Yonsei University (Seoul, Republic of Korea)

The Semantics of the Absolute Construction in Russian and Antipassive

This work examines the absolute construction of transitive verbs in Russian in relation to the antipassive. Transitive verbs are defined as verbs that can be combined with a direct object, i.e. they exhibit patient valency. However, for various reasons, this patient valency is not always realized.

Since the objectless use of the verb is the result of the syntactic inexpressibility of the patient argument, it is logical to approach it as the result of valency-reducing derivation. From this point of view, it can be assumed that the objectless transitive construction has certain diathetic properties. We postulate that the non-verbalization of patient valency signals the transfer of the patient argument to the semantic, communicative periphery and, consequently, to its syntactic demotion.

Three types of non-verbalization of the patient argument are distinguished: context ellipsis, semantic incorporation of an object into the meaning of a verb, and generalized presentation of the situation. We are primarily interested in the third type, for which the term *absolute construction* is traditionally used. Unlike the first and second types, in which the unexpressed object is reconstructed through the context or semantics of the verb, in the absolute construction, the object of action cannot be specified, or it is difficult to do so. Therefore, an absolute construction is not an incomplete construction.

The absolute use of transitive verbs is the result of reducing the valency of a communicatively irrelevant object, which generates certain semantic shifts; a verb does not denote an action directed at a concrete object but instead denotes something more stative, a constant property of the subject, which transfers the verb to other semantic classes and determines its use in certain contexts.

The absolute construction and the antipassive function similarly in that both rely on the low discursive saliency of the object of action and the generalized representation of the situation as a constant property of the subject. In Russian, a typical indicator of an antipassive is the reflexive *-ся*. Therefore, when the object of action is insignificant, obvious or ambiguous, the absolute construction and the antipassive reflexive verb can function synonymously (e.g. *Горчичник сильно жжет Ø / сильно жжется*). Therefore, in this paper, the absolute construction is compared with antipassive reflexive verbs such as *Собака кусается*. In Russian, the semantic circle of antipassive reflexive verbs is relatively narrow, and this is due to the fact that their function may be replaced by irreflexive verbs in absolute use.

In addition, the remaining types of omission of patient valency also have a correlation with reflexive verbs of other categories but a detailed discussion of this issue will be reserved for future research.

Keywords: objectless transitive construction, antipassive, patient argument, absolute construction, reflexive verbs, valency-reducing derivation, syntactic demotion, diathetic shift

